
ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Кротов А.А.

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Россия, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. E-mail: krotov@philos.msu.ru.

Наполеон и Вольтер

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о степени влияния вольтеровских идей на мировосприятие Наполеона. Насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам современников и собственным записям Наполеона, молодому офицеру, несущему гарнизонную службу, были неплохо известны трагедии и «Опыт о нравах и духе народов» Вольтера. Впоследствии, в годы ссылки на острове Св. Елены, беседы, которые Наполеон вел со своим немногочисленным окружением, нередко касались вольтеровских трагедий. Вольтеровский театр становится объектом постоянной критики, которую следует воспринимать, прежде всего, в контексте изменившегося отношения Наполеона к просветительским идеалам в целом. Вместе с тем, наряду с критикой, Наполеон не раз высказывал высокую похвалу в адрес вольтеровского «Эдипа». В статье показано, что Наполеону импонировали возвышенные сентенции о долге, чести, добродетели. Высказанная в «Эдипе» мысль о том, что великие воины «равны монархам», отвечала его внутренним убеждениям. Суждения Наполеона о религии напрямую свидетельствуют о том, что узник острова Св. Елены продолжал разделять многие идеи, еще в юности воспринятые им из произведений просветителей. Он упрекал священников в ориентации на земные блага. Будучи убежден в существовании Бога, он, вместе с тем, не скрывал, что всегда рассматривал религию как важное политическое средство, которым надлежит умело пользоваться властителю для придания стабильности государству.

Ключевые слова: философия Просвещения, Наполеон, Вольтер, французская философия, театр французского классицизма и философия.

Философия Просвещения нашла свое отражение и практическое воплощение в многообразных гранях европейской истории и культуры. Давно стало общим местом подчеркивание связи теоретического наследия просветителей с Великой французской революцией. Но это лишь один аспект, затрагивающий его роль в истории культуры. Значение идеалов выдающихся философов XVIII в. выходит далеко за пределы задачи обоснования социальных перемен, неотделимой от революционной практики.

Творчество Вольтера, прославленного «фернейского патриарха», стимулировало формирование интеллектуального горизонта многих незаурядных людей. Его приглашали в свои резиденции влиятельнейшие коронованные особы: Фридрих II, Мария-Терезия, Екатерина II. Он же позволял себе отклонять казавшиеся довольно престижными приглашения (за исключением поступившего от «северного Соломона», двор которого он посетил в 1750–1753 гг.). Хотя длительное время Вольтер вдохновлялся мечтой стать советником просвещенного монарха, опыт общения с государями принес ему одни разочарования. К их числу относится пребывание в должности камергера и придворного историографа при Людовике XV. Но все-таки вольтеровские ожидания «готовящегося царства разума» не уменьшились, не обратились в пыль. Они по-прежнему обретали различные формы на страницах его исторических, философских, драматических произведений.

Среди прославленных исторических деятелей, испытавших воздействие вольтеровских идей, особое место принадлежит Наполеону. В юности будущий император уделял немало времени чтению, в том числе и произведений выдающихся просветителей. Выпускника Парижской военной школы, младшего лейтенанта, получившего назначение для несения гарнизонной службы в Валанс, интересовало многое. Дошедшие до нашего времени его записи, относящиеся к годам службы в Валансе и Оксонне, свидетельствуют об особом внимании их автора к истории, военному делу, географии, литературе. Он делает выписки из «Древней истории» Ролана, «Истории Англии» Барроу, «Истории арабов» Мариньи, «Жизни Фридриха II» Лаво, «Философской и политической истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» Рейналя, «Географии» Лакруа, истории артиллерии С. де Сен-Реми, «Государства» Платона и др. В эту эпоху Бонапарт испытывает сильное влияние просветительской мысли. Увлеченный идеями Руссо, он пишет опровержение книги Рустава, в защиту сво-

его кумира. Судя по всему, с некоторыми персонажами произведений Вольтера и Руссо, с волнующим миром их прославленных сочинений, он сталкивается еще в бриеннской военной школе, т.е. прежде, чем попадает на учебу в Париж. Жан Тюлар замечает по этому поводу: «в этом конце XVIII века великие люди – не военные; они носят имя Вольтера и Руссо. Начиная с Бриенна, Бонапарт открывает их; в особенности он читает Руссо, который окажет на его юность большое влияние, до разочарования 1793 года»¹. Подобного рода оценка находит свое подтверждение в воспоминаниях его старшего брата. Жозеф Бонапарт в своих «Мемуарах» сообщает: когда Наполеон прибыл из Валанса в отпуск на Корсику, «он был страстным поклонником Жан-Жака, тем, кого мы называем обитателем идеального мира, любителем шедевров Корнеля, Расина, Вольтера, которых мы декламировали ежедневно. Он собрал сочинения Плутарха, Платона, Цицерона, Корнелия Непота, Тита Ливия, Тацита, переведенные на французский, сочинения Монтеня, Монтескье, Рейналя»². Будущий король Испании отмечал, что дорожный сундук с книгами был значительно больших размеров того, который содержал прочие личные вещи брата. «Он читал всех *философов* века, от Вольтера до Руссо и от Мабли до Рейналя», – утверждал Луи Мадлен³, знаток наполеоновской эпопеи, посвятивший, по собственному признанию, сорок лет изучению истории рубежа веков, прежде чем приступил к изданию своего главного труда.

По окончании Парижской военной школы Наполеон стремится расширить свои знания, прибегая к услугам проживающего по соседству букиниста. Как характеризует Е.В. Тарле период гарнизонной службы Бонапарта, «в эти годы его жизни бросается в глаза одна черта: полное подчинение страстей и желаний воле и рассудку. Он живет впроголодь, избегает общества, не сближается с женщинами, отказывает себе в развлечениях, работает без усталости, сидит за книгами все свободное от службы время»⁴. Франсуа-Жильбер де Костон, скрупулезно изучавший события, относящиеся к юности Наполеона, дает

¹ *Tulard J.* Introduction // *Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires.* Т. 1. Paris, 2001. P. 14.

² *Joseph, roi.* Mémoires et correspondance politique et militaire. Т. I. Paris, 1853. P. 32–33.

³ *Madelin L.* Histoire du consulat et de l'empire. Т. 1. Paris, 2003. P. 13.

⁴ *Тарле Е.В.* Наполеон. СПб., 2012. С. 17.

следующую зарисовку, связанную со службой в Оксонне его героя: «когда он прогуливался, он всегда имел книги или бумаги в руке»⁵.

Жан Тюлар замечает, что не следует преувеличивать эрудицию юного Бонапарта: из сочинений Вольтера, насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам современников и его собственным записям, молодому офицеру, несущему гарнизонную службу, неплохо известны трагедии и «Опыт о нравах и духе народов». Со временем число изученных вольтеровских работ увеличится, но все же изрядный массив философских текстов просветителя останется «за кадром», не привлечет к себе внимания будущего императора. В мае 1791 г. он читает, делая выписки, вольтеровский «Опыт о нравах и духе народов» (1765). В этом произведении Вольтер ставит своей целью представить читателю «общую идею» о народах, обитающих на планете. Обращаясь к истории, полагает он, следует опираться на неколебимые факты, относящиеся, прежде всего к обычаям, нравам, экономической и духовной жизни народов. «Цель этой работы не в том, чтобы знать, в каком году государь, недостойный упоминания, сменил варварского владыку у грубого народа. Если бы могли иметь несчастье поместить в свою голову хронологическую последовательность всех династий, знали бы только слова»⁶. Обращать внимание следует только на такие деяния монархов, которые способствовали счастью подданных. Все прочие детали лишь наполняют память ненужным вздором. Несущественно, согласно Вольтеру, какими мелкими интересами могли вдохновляться давно угасшие династии. Не имеет никакого значения их некогда ожесточенная борьба за провинции, в итоге ускользнувшие от их власти, оказавшиеся поглощенными большими государствами. Обращаясь к истории, настаивал автор «Опыта о нравах и духе народов», необходимо уделить достойное место Востоку, этой «колыбели всех искусств». Индусы и китайцы достигли процветания еще прежде, чем сформировались многие другие народы. Европа многим обязана Востоку, именно туда устремлялись торговцы, едва им стала известна дорога в его богатые земли. Прежде всего, люди селились там, где можно было найти плодородную почву, где росли рис, пшеница, фрукты. Это долины Месопотамии, Индии и Китая, жившие там народы первыми из известных нам приоб-

⁵ *Coston F.-G.* Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte. T. I. P.; Valence, 1840. P. 123.

⁶ *Voltaire.* Oeuvres complètes. T. 11. Paris: Garnier, 1878. P. 157.

щились к культуре. Не раз случалось, что под натиском варваров цивилизованные народы впадали в состояние невежества и дикости, прерывалась культурная традиция. «Одного взятия Константинополя было достаточно, чтобы уничтожить дух древней Греции. Гений римлян был разрушен готами. Берега Африки, прежде столь процветающие, не представляют почти ничего, кроме логовища грабителей»⁷. Вольтер настаивал на том, что в истории, наряду с действиями людей, важны и физические причины. Он с уверенностью заявлял, что самые плодородные земли западной Европы прежде, в течение многих столетий были сокрыты под водами моря. Природе, по мнению просветителя, свойственно непостоянство: океан то скрывает, то обнажает целые области.

Вольтер призывал считать действительными те события, которые надежно подтверждены, например, публичными реестрами, или совпадающими сообщениями образованных современников. Он говорит об искажении истории выдумками и о необходимости просвещения людей средствами философии, для искоренения фантастических повествований, рожденных суеверием. Философии приходится нелегко: она сталкивается с умами, «ослепленными столетиями заблуждений», предрассудков. Против нее сложившиеся церемонии и даже сооружения, возведенные ради прославления лжи. Оказавшись «посреди мрака», философия призывает разум соглашаться лишь с тем, что достоверно зафиксировано, не противоречит здравому смыслу. Она требует вывести из обращения «сказки», в которых переплетены абсурдные сюжеты. «Мудрый читатель легко заметит, что он должен доверять только большим событиям, имеющим некоторое правдоподобие, и смотреть с жалостью на все басни, которыми фанатизм, романтический дух и легковерие обременяли во все времена мировую сцену»⁸. Например, достойно доверия сообщение о крещении Хлодвига, но не следует принимать за факт заявление о том, будто ангел с неба вручил этому королю штандарт.

Просветитель вполне определенно заявлял о той пользе, которую, на его взгляд, можно получить благодаря изучению истории. Для него знание об исторических фактах и нравах народов – не самоцель, оно позволяет извлекать надлежащие заключения, своего рода плоды. К урокам истории Вольтер относит вывод о постепенном изменении

⁷ *Voltaire. Oeuvres complètes.* Т. 11. P. 162.

⁸ *Voltaire. Oeuvres complètes.* Т. 13. Paris, 1878. P. 173.

нравов «почти на всей земле». Искусства «смягчают» и просвещают умы, суеверия же стремятся задушить ростки истины. Вольтер осуждает «кровавое варварство» религиозных войн, раздоры, вызванные «догматическим исступлением», конфликты служителей церкви и светских властей. Кровь лилась рекой столетиями из-за того, что догмы ставили выше требований морали. Прошлое человечества содержит слишком многое, достойное осуждения, требующее исправления. «Нужно, следовательно, еще один раз признать, что, в общем, вся эта история есть собрание преступлений, безумств и несчастий, посреди которых мы видели несколько добродетелей, некоторые счастливые времена»⁹. Но определенный прогресс в истории присутствует. Сравнивая современное ему состояние Европы с прежними эпохами ее бытия, Вольтер утверждает, что она гораздо более цивилизована и богата, чем когда бы то ни было. Торжество добродетели он недвусмысленно связывает с распространением свободы. Религии разных народов, хотя и заключали в себе, по его мысли, странные церемонии и нелепые верования, вместе с тем содержали глубокую мораль, «справедливые заповеди». «На всей земле пользовались религией, чтобы творить зло, но она повсюду установлена, чтобы приближать к благу; и если догма приносит фанатизм и войну, мораль внушает повсюду согласие»¹⁰. Обычай среди людей разнятся, но природа человека повсюду одинакова.

Наполеон не вступает в полемику с автором изучаемого им текста, но и не ставит своей задачей зафиксировать на бумаге все нюансы прочитанного, все ведущие идеи вольтеровского труда. Обладая феноменальной памятью, он не стремится составить общую схему, каркас произведения. Главные установки работы ему ясны, на бумагу он заносит только, по выражению Жана Тюлара, «некоторые точные факты». Какие именно? Так, например, относительно Китая он отмечает общие хронологические рамки, численность населения, количество солдат и жителей столицы, размеры государственных доходов. Упомянуты характерные факты культурной истории: великая стена, изобретение бумаги и пороха, календарь. Внимание Наполеона привлекают особенности религиозных верований различных народов. Он заносит в свою тетрадь сжатые, хотя и весьма фрагментарные суждения о конфуцианстве, брахманизме, зороастризме, мусульманстве,

⁹ *Voltaire. Oeuvres complètes.* Т. 13. Р. 177.

¹⁰ *Voltaire. Oeuvres complètes.* Т. 13. Р. 182.

упоминает в связи с историей древнего мира и о христианах. Он сокращает вольтеровские фразы, оставляя только главную для себя мысль, подчеркивая какой-нибудь примечательный факт. К примеру, целый абзац, где автор «Опыта» говорит о протяженности китайского государства, сравнивая его в этом отношении с владениями Карла Великого, о его древности, об отсутствии больших изменений в его законах, языке и нравах, в тетради Наполеона сведен к следующей форме: «китайская империя существует более 4 000 лет»¹¹.

Отметим важное обстоятельство: Фредерик Массон справедливо утверждал, характеризуя наполеоновские рукописи 1791 г.: «резюме его мнений на эту дату находится в коротком тексте, который можно озаглавить Республика или Монархия и который очевидно вызван полемикой, последовавшей за бегством... Людовика XVI»¹². В этом небольшом, но в мировоззренческом отношении исключительно важном тексте, Наполеон высказывается в пользу республиканских принципов. «Я прочитал все речи ораторов-монархистов. В них я увидел большие усилия, направленные на защиту дурного дела. Они блуждают в утверждениях, которые не доказывают»¹³. Он говорит о своем давнем интересе к политическим вопросам и с негодованием отзывается о клевете в адрес республиканцев. Он с уверенностью провозглашает, что приверженцы монархии много сделали для ее падения. В этих кратких размышлениях мы видим своеобразное отражение личного опыта, в котором приобретенные знания преломляются сквозь призму современных политических событий. Значимой составной частью этого приобретенного знания выступает вольтеровское наследие. Артур Шюке, автор обстоятельного исследования о годах юности Наполеона, отмечает, что в Вольтере «он ценил прозаика, историка», привлекавшего своей рассудительностью, далекой от всякого шарлатанства, отсутствием фанатизма¹⁴. Есть основания согласиться с подобной оценкой, само наличие выписок из одной из главных исторических работ Вольтера свидетельствует о ее обоснованности.

¹¹ *Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires.* Т. 2. Paris, 2001. P. 163.

¹² *Masson F., Biagi G. Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon.* Т. II. Paris, 1895. P. 210.

¹³ *Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires.* Т. 2. P. 172.

¹⁴ *Chuquet A. La jeunesse de Napoléon.* Т. II. Paris, 1898. P. 10.

Наполеону, когда он достигает вершин политического могущества, Вольтер продолжает оставаться интересен, и не только как историк. В годы Консульства, как отмечает Тьерри Ленц, Наполеон сохранял устойчивое пристрастие к вольтеровским трагедиям: «театр был... искусством и важным местом развлечения эпохи. Сам Первый консул присутствовал на одном, и даже двух спектаклях в неделю, чаще всего, когда ставили трагедию – особенно трагедии Корнеля, Расина или Вольтера – или когда на сцене был великий Тальма»¹⁵. В эпоху империи, подчеркивает Жак-Оливье Будон, классические трагедии неоднократно ставились в наполеоновской резиденции Сен-Клу. Историк связывает этот факт с мировосприятием Бонапарта: «в сценах, гладко реконструирующих бурные страсти римской империи, он видит как будто отражение своей эпохи и своей власти»¹⁶. Театр французский император связывал со своими политическими расчетами, включал его в их орбиту. Для «Эрфуртского свидания» (1808) с Александром I он сам наметил театральную программу. В список из 16 пьес, которые предстояло сыграть лучшим парижским актерам, отнюдь не случайно, наряду с трагедиями Корнеля и Расина, оказались включены четыре вольтеровских: «Заира», «Эдип», «Смерть Цезаря», «Магомет»¹⁷. Талейран утверждал, что выбор пьес Наполеоном был сделан исходя из следующих соображений: «в тех пьесах исторического содержания, которые он приказал играть в Эрфурте, политическая роль некоторых главных персонажей напоминала обстоятельства, ежедневно наблюдаемые с того момента, как он появился на мировой сцене, а это подавало повод для множества лестных сравнений. Ненависть Митридата к римлянам напоминала вражду Наполеона к Англии... Но любимой его пьесой, лучше всего объясняющей причины и источник его могущества, был “Магомет”, так как ему казалось, что в ней он заполняет собой всю сцену»¹⁸. Вероятно, Талейран сильно преувеличивал, полагая, что в избранных для постановки в Эрфурте пьесах Наполеона интересовала только собственная личность. Подобное истолкование сильно упрощает мировосприятие его повелителя. «Магомет» сложно признать любимой пьесой Наполеона, поскольку известны его резко критические замечания в ее адрес. Несомненно, что «Цинну» Корнеля он ставил значительно выше.

¹⁵ *Lentz T. Le Grand Consulat. 1799–1804. Paris, 2014. P. 613.*

¹⁶ *Boudon J.-O. Histoire du Consulat et de l'Empire. 1799–1815. P., 2000. P. 255.*

¹⁷ *Талейран Ш.М. Мемуары. М., 1959. С.190.*

¹⁸ *Талейран Ш.М. Мемуары. С. 200–201.*

Интересно, что Александр I, желая польстить французскому императору, использовал для этого именно вольтеровскую трагедию: «в театре он встал в присутствии всего Эрфурта и взял руку Наполеона в момент, когда произносились стихи из “Эдипа”: Дружба великого человека является даром богов»¹⁹. Жан Тюлар, комментируя упомянутый эпизод, замечает, что в этот момент театр оказывается перенесен со сцены в зал²⁰. По-видимому, театральный жест российского императора одновременно выражал и политическую мысль, и заключал тонкую похвалу литературному вкусу Наполеона. Заметим, что интерпретация публикой того или иного фрагмента классической драмы сквозь призму новейших политических тенденций было вполне в традициях XVIII и начала XIX вв. Так, например, если говорить об «Эдипе», в эпоху Консульства зрители устроили овацию, когда актером произносились слова: «Я создавал государей и нисколько не желал сам им становиться», а задолго до революции, в 1777 г. зал удостоил аплодисментов присутствовавшего на спектакле Иосифа II, связав его персону со словами, прозвучавшими со сцены – «этот король более велик, чем его фортуна».

Важным документом, свидетельствующим об отношении Наполеона к творчеству Вольтера в эпоху империи, является письмо к библиотечарю Антуану Александру Барбье, продиктованное им 17 июля 1808 г. из Байонны. В письме речь идет о проекте создания походной библиотеки, относительно состава которой император дает свои предписания. В числе авторов трагедий, чьи сочинения должны были присутствовать в библиотеке, Вольтер упомянут наряду с Корнелем, Расином и Кребийоном. Но его философские труды из библиотеки следовало исключить. Такова общая тенденция в эволюции мировоззрения Наполеона: иные из просветительских сочинений, выступавших для него предметом восхищения в юности, теперь не вызывают положительных оценок. «Из Руссо не следует помещать ни «Эмиля», ни множества писем, воспоминаний, речей и бесполезных рассуждений; то же соображение относится к Вольтеру»²¹. Сказанное не означает, что просветительскому наследию в целом вынесен приговор, что оно бесповоротно отвергнуто. Император признает его ценность, но избирательно: среди книг, которые он непременно желает видеть

¹⁹ Талейран Ш.М. Мемуары. С. 214.

²⁰ Tulard J. Napoléon. Les grands moments d'un destin. Paris, 2006. P. 360.

²¹ Napoléon I. Correspondance / Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 17. Paris, 1865. P. 400.

в своей походной библиотеке, упомянуты «Новая Элоиза» и «Исповедь» Руссо. Предписывает инструкция включить в библиотеку и «Философские повести» Вольтера. Признавая достоинства художественных произведений просветителей, Наполеон негативно оценивает их теоретические труды, трактаты, в которых в систематической форме излагались их социально-политические воззрения. Конечно, он понимал, что и художественные тексты Вольтера и Руссо несут в себе определенные философские смыслы. В беседе с Гете, которая состоялась в 1808 г., Наполеон подчеркивал, что видит в театре не только развлечение: «хорошая трагедия представляет самую лучшую школу для выдающихся людей»²². Сходным образом высказывался он и на острове Св. Елены: «Трагедия, говорил он с пылом, возбуждает душу, возвышает сердце, может и должна создавать героев. В этом отношении, быть может, Франция обязана Корнелю частью своих прекрасных деяний»²³. По-видимому, императору казались отжившими, «бесполезными» те теоретические установки, которые можно было связывать с произошедшей революцией, продолжали же импонировать ему идеи, по-прежнему отвечавшие его убеждениям, несмотря на их существенную эволюцию. Как и прежде, он обращается к историческим сочинениям Вольтера, но лишь для знакомства с фактами, либо для уточнения их. Исторические труды просветителя он считает необходимыми в составе походной библиотеки, но оставляет за ними значение справочных изданий, отнюдь не вдохновляется вольтеровской философией истории.

Антуан Адан справедливо отмечал важнейшую особенность театра французского классицизма: «французская трагедия XVII в. – это трагедия *героического действия* ... Она строжайшим образом изгоняет всякую лирику и всякого рода философские рассуждения»²⁴. Как мы видели, эта особенность французского театра XVII в. – ключевая для оценки Наполеоном любой трагедии вообще. Для него имел значение, прежде всего, характер поступков персонажей, их готовность приносить свою жизнь в жертву интересам государства, руководствоваться принципом чести, следовать долгу. Вероятно, поэтому он неоднократно обращался к излюбленным театральным сюжетам на протяжении всей своей жизни.

²² Талейран Ш.М. Мемуары. С. 208.

²³ *Las Cases (Em. de)*. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I. Paris, 1956. P. 385.

²⁴ Адан А. Театр Корнеля и Расина // Театр французского классицизма. М., 1970. С. 5.

Беседы, которые Наполеон вел со своим немногочисленным окружением в годы ссылки на острове Св. Елены, позволяют существенно расширить представления о его отношении к вольтеровскому наследию. Характеризуя сложившийся на Св. Елене образ жизни знаменитого узника, Лас-Каз отмечал: «десерт готовили в соседней комнате, которая служила салоном; мы размещались там за столом, подавали кофе; беседа продолжалась, читали какие-нибудь сцены из Мольера, Расина, Вольтера». Судя по всему, вольтеровский театр становится объектом постоянной, привычной слушателям критики. «Император восхищается Расином, у которого находит подлинное наслаждение; он в высшей степени восхищается Корнелем, и совсем мало Вольтером, полным, говорит он, напыщенности, мишуры, всегда фальшивым, не знающим ни людей, ни вещей, ни истины, ни величия страстей». Подобного рода суждения не оставались единичными. «После ужина, Император послал моего сына отыскать «Мемуары шевалье де Граммона» и том «Театра Вольтера»... Что до Вольтера, он бегло просмотрел «Магомета», «Семирамиду» и др., выделяя изъяны и заключая, как обычно, что Вольтер не знал ни вещей, ни людей, ни великих страстей». Широкую известность приобретает наполеоновская характеристика вольтеровского «Магомета», красочно сформулированная на Св. Елене: ««Магомет» был предметом его самой живой критики... Вольтеру, говорил Император, здесь недоставало знания истории и человеческого сердца. Он бесчестил великий характер Магомета самыми низкими интригами. Он заставлял действовать великого человека, изменившего лицо мира, как самого подлого негодяя, достойного всего-навсего виселицы. Не менее неуместно он искажил великий характер Омара»²⁵.

Приведенную критику следует воспринимать, прежде всего, в контексте изменившегося отношения Наполеона к просветительским идеалам в целом. На Св. Елене он высказывал мысль о том, что время Вольтера и Руссо как «властителей дум» безвозвратно прошло, и если бы им довелось творить в начале XIX в., они уже не смогли бы направлять общественное мнение. «Если Вольтер, в особенности, царил над своими современниками, говорил он, если он был героем времени, это потому, что все тогда были только карликами»²⁶.

²⁵ *Las Case (Em. de)*. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I. Paris, 1956. P. 263, 385, 736, 501.

²⁶ *Las Case (Em. de)*. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I. P. 726.

Заметим, что и в годы ссылки Наполеона Вольтер как историк остается верным его спутником. На острове Св. Елены он неоднократно обращался к вольтеровской «Истории шведского короля Карла XII». По свидетельству Лас-Каза, читая о том, как король оборонял занятое им здание против турок, Наполеон «не мог удержаться от смеха и повторял вслед за ними: *Железная башка! Железная башка!*»²⁷. (Речь идет об эпизоде, который Вольтер передает следующим образом: «турки не смешивали со своими криками никаких оскорблений короля, которого они только называли *Демирбаш*, железная башка»²⁸). Во многом именно вольтеровская работа лежала в основе оценки Наполеоном Карла XII как полководца: «он вел войну неорганизованно. Он был просто храбрый, неустрашимый солдат»²⁹.

Вместе с тем, в последние годы своей жизни, наряду с критикой, Наполеон высказывал и суждения иного рода в адрес вольтеровского театра: «он перешел к “Эдипу” Вольтера, которого сильно расхваливал. Эта пьеса ему представлялась, говорил он, самым прекрасным явлением нашего театра. Что до ее недостатков, смешной любви Филоктета, например, следовало обвинять в них совсем не поэта, а нравы времени и главных актрис эпохи, диктовавших закон. Эта похвала Вольтера нас поразила: она была новостью для нас, настолько она была редкой в устах Императора»³⁰. Но все же, эта похвала не была минутным капризом, следствием переменчивого настроения, откровенным эпатажем. Хорошо известно, что она не была единичной. «После ужина Император читал «Эдипа», которого он необычайно расхваливал»³¹. Несомненно, эта похвала, как и критика в адрес произведений Вольтера, отражала определенные черты мировосприятия Наполеона.

Корсиканский патриот, республиканец, близкий монтаньярам, диктатор. Что же в творчестве Вольтера могло вызывать неизменный интерес у этого человека, на всех этапах его жизненного пути? Очевидно, ключевой текст для ответа на поставленный вопрос – трагедия «Эдип», которая, как нам известно, входила в число пьес, пользовавшихся одобрением Первого консула, была включена императором в программу «Эрфуртского свидания», вызывала похвалы со стороны

²⁷ *Las Case (Em. de)*. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I. P. 316.

²⁸ *Voltaire*. Oeuvres historiques. P.: Gallimard, 1957. P. 215.

²⁹ *Наполеон*. Избранные произведения. М., 1956. С. 693.

³⁰ *Las Case (Em. de)*. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. II. Paris, 1956. P. 293.

³¹ *Las Case (Em. de)*. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I. P. 646.

узника острова Св. Елены. Каковы главные мировоззренческие установки этого произведения выдающегося просветителя, чем именно оказались они близки прославленному политическому деятелю? Конечно, Наполеону импонировали возвышенные сентенции о долге, чести, добродетели. Готовность погибнуть ради славы, бесстрашие героя – разве могли подобные мотивы оставить его равнодушным? Очевидно, высказанная в трагедии мысль (Эдипом – Филоктету) о том, что великие «воины вроде вас равны монархам»³², отвечала его внутренним убеждениям, служила одной из главных пружин многих его поступков.

Но созвучны его взглядам, несомненно, были и другие смыслы, нашедшие воплощение в трагедии. Вольтер, сам сторонник просвещенной монархии, призывал не доходить до обожествления королей, критически оценивать их поступки. «Король для своих подданных – бог, которого почитают, для Геракла и для меня, это – обычный человек». Присутствует в трагедии и осторожная критика деспотизма: «Геракл, опора богов, и победитель Азии, чудовища, тираны, которых он научил меня укрощать...»³³. Накануне революции, в восемнадцатилетнем возрасте Бонапарт записал в наброске о королевской власти, оставшимся незавершенным: «совсем немногие короли незаслужили быть свергнутыми с престола»³⁴. В годы революции в своей переписке он именовал тиранами интервентов, представлявших королевства, входившие в антифранцузскую коалицию: «санкюлоты юга не должны иметь другой заботы, кроме освобождения территории Республики от тиранов»³⁵.

Впоследствии, будучи императором, он говорил Коленкуру, что «реорганизовал монархию», как наилучшую форму правления для Франции, но нередко довольно презрительно отзывался о своих коронованных противниках из других европейских столиц. В пьесе Вольтера «величественным и редким примером» подлинного короля, настоящего героя, объявляется монарх, бесстрашно шествующий без охраны, сопровождаемый лишь одним преданным слугой. Требование воинской доблести, предъявляемое государю, самому Наполеону представлялось бесспорным.

³² *Voltaire. Oeuvres complètes. T. 2. Paris, 1877. P. 78.*

³³ *Voltaire. Oeuvres complètes. T. 2. P. 78, 85.*

³⁴ *Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. 1. P., 2001. P. 213.*

³⁵ *Napoléon I. Correspondance. T. 1. Paris, 1858. P. 12.*

Особо следует остановиться на присутствующей в вольтеровском «Эдипе» критике религии. Существование Бога не ставится здесь под сомнение, но о священнослужителях высказано немало нелестных слов. Причем это критика осторожная, смягченная сюжетной линией, по мере развертывания которой выясняется, что верховный жрец, вызвавший казавшееся благородным негодование некоторых персонажей, был прав в своих обвинениях.

Как заявляет в «Эдипе» Арасп, «эти боги, помощь которых обещана верховным жрецом, не всегда господин, обитают в своих храмах... ничуть не успокоимся на вере их жрецов, у подножия алтаря они часто – предатели, которые, порабошав нас священной власти, заставляют говорить и молчать судьбы по своей воле». В словах Филоктета звучит призыв уменьшить могущество священников: «верховный жрец, крепко опирающийся на пустые оракулы, часто ужасен для государей». Иокаста решительно отвергает притязания священников на обладание мудростью: «наши жрецы – не то, что напрасно о них думает народ, наша доверчивость составляет всю их науку». Наконец, в качестве средства решения проблемы взаимоотношений со священнослужителями, провозглашается следующий принцип: «взглянем на все нашими глазами: в них наши треножки, наши оракулы, наши боги»³⁶. Опора на собственный опыт, по мнению Вольтера, должна занять место необдуманных решений, якобы вытекающих из сверхъестественного источника. Наполеон, находясь на Св. Елене, однажды высказал мысль, что не смог бы принять на веру положения, внушаемые вопреки разуму. Действительно, в его отношении к религии всегда присутствовал рациональный элемент.

Исследовательские оценки разнятся в отношении вопроса о религиозности Бонапарта. Известные нам факты могут подвергаться различной интерпретации. Именно поэтому Тьерри Ленц, к примеру, предпочитает высказываться очень осторожно: «его вера не должна, между тем, быть смешиваема с тем, что он думает о Церкви и, в особенности, о политической роли, которую он ей предписывал... Бог для него – интимное дело, и вероятно, что он был верующим»³⁷. Жан-Мари Руар категоричнее в своих выводах: «он верил в свою звезду. Он говорил об этом как о самой естественной вещи в мире. Откуда, зачастую, его смелость, чувство своей непобедимости... влечение

³⁶ *Voltaire. Oeuvres complètes. T. 2. Paris, 1877. P. 79, 89, 93, 80.*

³⁷ *Lentz T. 100 questions sur Napoléon. Paris, 2013. P. 55.*

к иррациональному более всего меня поражает в этом позитивном уме... Он вступил в непрерывный диалог с невидимым. Этот мистицизм предохранял его от атеизма, который затрагивал его современников. Религия находила у него хороший прием»³⁸.

По-видимому, Наполеон не испытывал колебаний в вопросе о бытии Бога. «Все свидетельствует о существовании Бога, это несомненно», – подобное утверждение основано на влиятельной интеллектуальной традиции, выводящей тезис о бытии Творца из рассмотрения физического мира, его гармонии и порядка. Именно поэтому Наполеон не видел необходимости в детальном раскрытии приведенного положения, с которым мог бы согласиться и Вольтер. Суждения же Наполеона о религии напрямую свидетельствуют о том, что узник острова Св. Елены продолжал разделять многие идеи, воспринятые им из произведений просветителей. «Очевидно, все наши религии – дети людей... почему эти религии обвиняли друг друга, боролись друг с другом, истребляли друг друга? почему это происходило во все времена, повсюду? Потому что люди всегда остаются людьми; потому что священники всегда скатывались к обману и лжи». Он упрекал священников в ориентации на земные блага, хотя их учение провозглашает царство «не от мира сего». Вместе с тем он не скрывал, что всегда рассматривал религию как важное политическое средство, которым надлежит умело пользоваться властителю для придания стабильности государству. «Тем не менее, говорил Император, как только я получил власть, я поспешил восстановить религию... Она была в моих глазах опорой хорошей морали, истинных принципов, добрых нравов»³⁹.

Вольтеровская критика религии, как можно видеть из приведенных суждений Наполеона, оставила неизгладимый след в его душе. Просветительский антиклерикализм, в той или иной степени, оказывал влияние на его сознание на протяжении всего жизненного пути. При этом его нельзя считать «стопроцентным вольтерьянцем», поборником «деизма разума». Как и Вольтер, он не видел для самого себя возможности опираться на слепую веру, но идея «раздавить гадину» ему не была близка. Социальную роль религии он понимает иначе, заменяя вольтеровский подход иным, вытекающим из собственного политического опыта.

³⁸ Rouart J.-M. Napoléon ou La destinée. Paris, 2012. P. 13.

³⁹ *Napoléon I. Correspondance*. T. 32. Paris, 1869. P. 268–269.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адан А.* Театр Корнеля и Расина // Театр французского классицизма. М.: Художественная литература, 1970. С. 5–18.
- Наполеон.* Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956. 787с.
- Талейран Ш.М.* Мемуары. М.: Изд-во института международных отношений, 1959. 440с.
- Тарле Е.В.* Наполеон. СПб.: Азбука, 2012. 512 с.
- Boudon J.-O.* Histoire du Consulat et de l' Empire. 1799–1815. P.: Perrin, 2000. 511 p.
- Chuquet A.* La jeunesse de Napoléon. T. I–III. P.: Armand Colin, 1898–1899.
- Coston F.-G.* Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte. T. I. P.: Valence: Marc Aurel frères, 1840. 558p.
- Joseph, roi.* Mémoires et correspondance politique et militaire. T. I–X. P.: Perrotin, 1853–1854.
- Las Case (Em. de).* Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I–II. P.: Gallimard, 1956.
- Lentz T.* 100 questions sur Napoléon. P.: La Boétie, 2013. 214 p.
- Lentz T.* Le Grand Consulat. 1799–1804. P.: Fayard, 2014. 909 p.
- Madelin L.* Histoire du consulat et de l' empire. T. 1–4. P.: Robert Laffont, 2003.
- Masson F. et Biagi G.* Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon. T. I–II. P.: Ollendorff, 1895.
- Napoléon I.* Correspondance. Publ. par ordre de l' empereur Napoléon III. T. 1–32. P.: Plon, 1858–1869.
- Napoléon Bonaparte.* Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. 1–3. P.: Claude Tchou, 2001.
- Rouart J.-M.* Napoléon ou La destinée. P.: Gallimard, 2012. 395p.
- Tulard J.* Napoléon. Les grands moments d' un destin. P.: Fayard, 2006. 623p.
- Tulard J.* Introduction // Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. 1. P.: Claude Tchou, 2001. P. 13–23.
- Voltaire.* Oeuvres complètes. T. 1–52. P.: Garnier, 1877–1882.
- Voltaire.* Oeuvres historiques. P.: Gallimard, 1957. 1813 p.

Artem Krotov

DSc of Philosophy, Head of the Department of history and theory of world culture, Philosophical faculty, Lomonosov Moscow State University. Lomonosovsky prospect, 27/4, Moscow, 119234, Russian Federation. E-mail: krotov@philos.msu.ru

Napoleon and Voltaire

Summary: In article the question of influence of Voltairian ideas on Napoleon's world outlook is considered. How possible to judge by the remained certificates of contemporaries and own Napoleon's records, Voltairian tragedies and "Experience about customs and spirit of peoples" (of which Napoleon did extracts) were not bad known to the young officer bearing garrison service. For Napoleon, when he reached

tops of political power, Voltaire remained to be interesting, and not only as the historian. Conversations which Napoleon held with his inconsiderable in number environment in the years of exile on the island of Saint Helena quite often concerned Voltairian tragedies. The Voltairian theater became an object of constant criticism which should be perceived, first of all, in the context of changed Napoleon's relation to the Age of Enlightenment ideals in general. At the same time, side by side with criticism Napoleon stated a great praise to Voltairian "Oedipus" more than once.

Corsican patriot, republican close to montagnards, dictator. What in Voltaire's creativity could attract invariable interest of this person at all stages of his life? Of course, Napoleon was impressed by sublime maxims about a debt, honor, virtue. Introduced in "Oedipus" idea that great warriors "are equal to monarchs" corresponded to his internal beliefs. Napoleon's judgments of religion directly demonstrate that the prisoner of the island of Saint Helena continued to share many ideas, received by him from Enlightenment philosophy. He reproached priests in orientation to earthly goods. Have been convinced of existence of God, he at the same time didn't hide that he always considered religion as important political means which should use skillfully by the ruler for giving stability to the state.

Keywords: Philosophy of Enlightenment, Napoleon, Voltaire, French philosophy, theatre of French classicism and philosophy.

References

- Adan, A. "Teatr Kornela i Rasina" [Theater of Corneille and Racine], in: *Teatr frantsuzskogo klassitsizma* [Theatre of French classicism]. Moscow, Literature, 1970, pp. 5–18. (In Russian)
- Napoleon. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Military publishing house, 1956. 787p. (In Russian)
- Talleyrand, Ch. M. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Publishing house of Institute of international relations, 1959. 440 p. (In Russian)
- Tarle, E.V. *Napoleon* [Napoleon]. Saint-Petersburg, Azbuka, 2012. 512 p. (In Russian)
- Boudon, J.-O. *Histoire du Consulat et de l'Empire. 1799–1815*. Paris, Perrin, 2000. 511 p.
- Chuquet, A. *La jeunesse de Napoléon*. T. I–III. P., Armand Colin, 1898–1899.
- Coston, F.-G. *Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte*. T. I. Paris; Valence, Marc Aurel frères, 1840. 558p.
- Joseph, roi. *Mémoires et correspondance politique et militaire*. T. I–X. Paris, Perrotin. 1853–1854.
- Las Case (Em. de). *Le mémorial de Sainte-Hélène*. T. I–II. Paris, Gallimard, 1956.
- Lentz, T. *100 questions sur Napoléon*. Paris, La Boétie, 2013. 214 p.
- Lentz, T. *Le Grand Consulat. 1799–1804*. Paris, Fayard, 2014. 909 p.
- Madelin, L. *Histoire du consulat et de l'empire*. T. 1–4. Paris, Robert Laffont. 2003.
- Masson, F. et Biagi, G. *Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon*. T. I–II. Paris, Ollendorff. 1895.

Napoléon, I. *Correspondance*. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 1–32. Paris, Plon, 1858–1869.

Napoléon Bonaparte. *Oeuvres littéraires et écrits militaires*. T. 1–3. Paris, Claude Tchou, 2001.

Rouart, J.-M. *Napoléon ou La destinée*. Paris, Gallimard, 2012. 395p.

Tulard, J. *Napoléon. Les grands moments d'un destin*. Paris, Fayard. 2006. 623p.

Tulard, J. “Introduction”, in: Napoléon Bonaparte. *Oeuvres littéraires et écrits militaires*. T. 1. Paris, Claude Tchou. 2001, pp.13–23.

Voltaire. *Oeuvres complètes*. T. 1–52. Paris, Garnier, 1877–1882.

Voltaire. *Oeuvres historiques*. Paris, Gallimard, 1957. 1813 p.